

*В.А. Багиров, ассоциированный профессор
Балтийской международной академии*

ИНСТИТУТ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анализируется институт правового режима как юридического феномена в целом и непосредственно правового режима интеллектуальной собственности в частности. В соответствии с доктриной, сформулированной С.С. Алексеевым, правовой режим применяется к сферам правового регулирования, и в частности, к объектам правовых отношений. Наиболее часто и последовательно к осмыслению доктрины правового режима интеллектуальной собственности обращался профессор В.А. Дозорцев. Он определил, что гражданско-правовой режим интеллектуальной собственности реализуется в виде установления и реализации исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Проведя анализ трудов В.А. Дозорцева и других ученых, занимающихся исследованиями в данной области, автор выделил основные признаки исключительных прав и дал авторскую формулировку правового режима интеллектуальной собственности.

Общие и специальные (неюридические) энциклопедические словари в целом одинаково дефинируют понятие «режим». Режим (от лат. *regimen* – управление) – 1) государственный строй; метод правления; 2) точно установленный порядок жизни (труда, отдыха, питания, сна); 3) система правил, мероприятий, норм, необходимых для достижения той или иной цели (например, режим экономии); 4) условия деятельности, существования чего-либо (например, режим работы) [3; 10; 14]. Таким образом, в своем исходном и наиболее абстрактном понимании режим есть порядок. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова эти понятия приведены как синонимы [10].

Общие юридические энциклопедии и энциклопедические словари разных лет издания отдельно не содержат ни понятия «режим», ни понятия «правовой режим» [18; 17; 15]. Как правило, термин «режим» присутствует там в составе прикладных юридических словосочетаний, как-то: «режим государственной границы», «режим наибольшего благоприятствования», «режим капитуляции» и т. п. В свою очередь, в словаре административного права, изданном в 1999 г., правовой режим определен как «нормативно установленные правила относительно определенного предмета отношений или ситуаций, которые обязательно должны соблюдаться участниками отношений по поводу этого предмета (ситуации)» [2, с. 98].

Следует отметить, что понятие собственно правового режима как юридического феномена не является предметом самостоятельных (отдельных) монографических исследований. В связи с этим представляется необходимым прежде всего исследовать и дать определение понятию института правового режима и выявить присущие последнему структурные элементы. Основу юридических исследований общеправового определения правового режима составили труды таких ученых, как С.С. Алексеев, В.М. Карельский, Н.И. Лазарев, В.А. Лапач, А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, О.С. Радионов, В.С. Петров, Л.С. Явич. Цивилистический подход к определению правового режима объектов гражданских прав представлен в работах О.Л. Городова, Т.Д. Кузьминой, С.М. Корнеева, В.Д. Рузановой, В.И. Сенчищева [19]. С.С. Алексеев также помимо термина «правовой режим» в качестве синонима использует словосочетание «юридический режим» [1, с. 68].

В.И. Сенчищев, в частности, считает что «правовой режим – это совокупность всех позитивно-правовых предписаний, содержащихся в императивных и диспозитивных нормах, и основанных на них (или им не противоречащих) субъективно-правовых притязаний, существующих и действительных с точки зрения права и в соответствующих случаях определяющих и права, обязанности, дозволения, запреты и предписания абсолютно всех лиц (или в отношении абсолютно всех лиц) по поводу того предмета (явления) в отношении которого они установлены» [13]. Таким образом, правовой режим объединяет в одно целое все права, обязанности, дозволения и запреты, принадлежащие или адресованные субъектам правоотношений вне зависимости от личности данных субъектов.

В свою очередь, С.С. Алексеев более предметно указывает, что отрасли права отличаются как тем, что для них характерно юридически своеобразное регулирование с точки зрения самой их природы и специфического юридического содержания [1] и что использование философских данных и вытекающая отсюда характеристика системы права уже давно вывели на центральную категорию проработки проблем права как объективной реальности – правовой режим, концентрирующий юридические особенности того или иного участка правового регулирования. В структуре (системе) права

сообразно этому предлагается различать три группы отраслей (профилирующие, или базовые, специальные и комплексные) [7]. К базовым отраслям относятся, соответственно, конституционное, административное, гражданское, уголовное, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное и административно-процессуальное право, а к специальным – трудовое, земельное, семейное, финансовое право и право социального обеспечения.

Выделение базовых отраслей в качестве «ядра системы права», по мнению С.С. Алексеева, основано на том, что они исчерпывающе концентрируют групповые методы правового регулирования, главные (генеральные) юридические режимы – режимы качественно своеобразные, исходные по специфике правового регулирования и потому предопределяющие основные типовые особенности юридического инструментария. Это отрасли юридически первичные, содержащие исходный правовой материал, который, так или иначе, потому используется при формировании правовых режимов других отраслей и вследствие этого выступает в качестве заглавных подразделений целых групп отраслей права (например, гражданское право является заглавной частью группы отраслей гражданского профиля) [7].

Институт правового режима, по мнению большинства специалистов, наиболее исследован в теории административного и земельного права. Так, в учебнике по административному праву его автор Д.Н. Бахрах определил правовой режим как «*систему норм права*» (курсив наш. – В.Б.), которая регулирует деятельность, отношения между людьми по поводу определенного объекта» [2, с. 98]. Доцент МУ МВД РФ С.С. Маилян тщательно разработал и обосновал теорию комплексных режимов в административном праве и выделил их виды. Так, под комплексным административно-правовым режимом он понимает «урегулированный правом и имеющий нормативный характер в отношении структур государственного управления *порядок осуществления деятельности*» (курсив наш. – В.Б.), общей для определенного множества либо для всех государственных органов, который подлежит конкретизации в процессе его применения» [9]. Однако употребление понятия «режим» во множественном числе применительно к одной группе правоотношений, то есть утверждение, что в рамках последней действует несколько режимов, на наш взгляд, представляется методологически неверным. Отраслевой правовой режим всегда один, но в рамках своего единства он может обладать различными чертами в зависимости от особенностей объекта данных правоотношений. Но об этом ниже.

На понятийном уровне сущность правового режима удачно обозначена в монографии И.Л. Бачило «Информационное право. Основы практической информатики». Ее позиция в данном вопросе очевидно базируется на изложенной выше концепции С.С. Алексеева. Согласно выводам указанного автора «институт правового режима в праве является межотраслевым и применяется к самым разным сферам правового регулирования и объектам правовых отношений. Например, Конституция Российской Федерации относит к ведению федерации такие отрасли законодательства, как гражданское, уголовное и др., а административное законодательство – к предметам совместного ведения федерации и субъектов РФ. Это элемент режима отрасли права и режима законотворческой деятельности» [2, с. 97].

Таким образом, по мнению указанных авторов, основанному на доктрине, сформулированной С.С. Алексеевым, правовой режим применяется к сферам правового регулирования и к объектам правовых отношений. В отличие от правового статуса, который определяет правовое положение субъекта отношений, институт правового режима дает характеристику предмета отношений. Следовательно, например, к сфере вещных правоотношений применяется главный (генеральный) в этой сфере (по С.С. Алексееву) гражданско-правовой режим (так как вещные правоотношения – суть гражданско-правовые), а применительно непосредственно к вещам (объектам) он (данный режим) выступает в виде права собственности, то есть права на владение, пользование и распоряжение вещью.

Тем не менее, отвлекаясь от научных доктрин, исследующих глубинную сущность теории правового режима, обратимся к аспектам сугубо прикладным. Выше были приведены предложенные специалистами и опубликованные ими некоторые дефиниции правового режима. В одних случаях авторы определяют правовой режим как «порядок (осуществления деятельности)», в других – как «систему норм права». Есть ли в приведенных примерах формулировок существенная разница, и какая из них является более точной и приемлемой для раскрытия сущности этого правового феномена? Более того, не являются ли они взаимоисключающими?

Терминологический анализ позволяет сделать вывод, что существенного различия в формулировках нет, как нет и противоречия. Упомянутые выше толковые словари дефинируют понятие «система», в том числе и как одну из разновидностей понятия «порядок» [10; 14]. В контексте сказанного систему правовых норм представляется возможным толковать как упорядоченную совокупность

норм права, а при моделировании базовой формулировки института правового режима использовать оба понятия, но, конечно, не путем простого их сложения.

Если, как указывалось выше, собственно правовой режим как самоценный универсальный институт права сам по себе (в отдельности) как объект изучения не является предметом специальных монографических исследований, то тем более это касается узкопрофильного прикладного правового режима, коим является правовой режим интеллектуальной собственности. Представляется, что в отличие от административного и земельного права, в теории права интеллектуальной собственности профильный институт правового режима исследован недостаточно глубоко. Не то чтобы исследования отсутствуют вовсе, но часто те из них, которые напрямую касаются правового режима интеллектуальной собственности, исследователями с данным институтом непосредственно не связываются и принадлежность их (исследований) к интересующей нас теме можно выявить только опосредованно по косвенным признакам.

Наиболее часто и последовательно к осмыслению доктрины правового режима интеллектуальной собственности обращался профессор В.А. Дозорцев в своих публикациях 1995–2003 гг. [5]. В конструировании теоретической модели этого профильного правового режима он явно опирался на доктринальные разработки С.С. Алексеева, хотя напрямую на него не ссылался. Из текста статей явствует, что собственно сама эта доктрина изначально широко известна специалистам, утвердилась как истинная и посему не требует какого-то дополнительного обсуждения. Этому, кстати, трудно возразить, особенно после изучения источников по данной тематике.

При моделировании правового режима для результатов интеллектуальной деятельности В.А. Дозорцев отталкивается от правового режима, установленного для материальных объектов, то есть вещей. Известно, что в отношении объектов вещного права действует правовой режим права собственности, исходя из которого для нематериальных объектов целесообразно смоделировать правовой режим с похожими признаками. В чистом виде право собственности не годится для данных объектов, так как последние не ограничены в пространстве, могут использоваться одновременно неограниченным кругом лиц, не подвержены физическому старению и т. д. Право, выполняющее «в отношении нематериальных объектов ту же функцию, что и право собственности в отношении материальных», стали называть «исключительным правом». Это такое же «абсолютное право на нематериальные объекты, только использующее в соответствии с натуральными свойствами объекта другие правовые средства, чем право собственности... ослабленное абсолютное право» [5, с. 36, 120].

Таким образом, гражданско-правовой режим интеллектуальной собственности реализуется в виде установления и реализации исключительных (не распространяющихся одинаково на всех) прав на результаты интеллектуальной деятельности. В специальной литературе используется сокращенный вариант, а именно «режим исключительных прав», с добавлением иногда в качестве синонима терминов «монопольные права», «юридическая монополия» и т. д. В нормативных актах различного уровня иерархии Латвии, Беларуси, России, других стран, как и в профильных международно-правовых актах, термин «режим» в принципе не используется, а понятие «исключительные права» используются как самостоятельный институт в контексте «исключительные права лица на принадлежащий ему результат интеллектуальной деятельности» (или, в другом варианте, на «объект интеллектуальной собственности»). Представляется очевидным, что проблемы юридически корректной формулировки и использования понятия правового режима интеллектуальной собственности, а также выявление его особенностей являются исключительно делом правовой науки и на нормотворческую и правоприменительную практику никак не влияют.

Для возникновения режима исключительных прав, по мнению О. Рузаковой, «законодательством должны быть определены:

квалифицирующие типовые признаки объекта (как в отношении объектов авторского права) или их виды (как в отношении объектов смежных прав) либо сочетание обоих критериев (как в отношении объектов смежных прав);

юридические факты, влекущие возникновение исключительных прав на соответствующий объект (факт создания, регистрации, признания государственным органом использования и др.);

содержание исключительных прав (объем правомочий с определением их пределов, в частности случаев свободного использования» [12, с. 21].

Исключительные права – суть имущественные права, как и права собственности на вещи. В нормативных актах государств и в профильных международных конвенциях, соглашениях и договорах исключительные права текстуально и нормативно связаны с неотъемлемым правом авторов и правообладателей на использование принадлежащего им объекта охраны (произведения, объекта смежного

права, изобретения, промышленного образца, средства индивидуализации и т. д.). Известно, что право на использование – главное имущественное право собственников результатов интеллектуальной деятельности. Однако, помимо имущественных прав, целому ряду субъектов прав на результаты интеллектуальной (в первую очередь – творческой) деятельности (авторам, исполнителям, изобретателям, промышленным дизайнерам и т. д.) принадлежит целый спектр личных неимущественных прав, таких как право на авторство, на авторское имя, на неприкосновенность произведения, право на его обнародование и др. Поглощаются ли последние исключительными правами? Каково их место в иерархии прав авторов и правообладателей?

В литературе по этому поводу высказывались различные мнения. В т. 1 четырехтомника «Гражданское право» под редакцией профессора Е.А. Суханова, в частности, указывается: «Ранее считалось, что исключительные права представляют собой комплекс правомочий имущественного и неимущественного характера, причем последние являются неотчуждаемыми. В настоящее время в законодательстве и в доктрине гражданского права начинает господствовать другой подход: исключительными считаются лишь имущественные правомочия» [4, с. 40]. Тем не менее Д. Липчик дефинирует права личного характера и имущественные права как «две категории исключительных прав» [8, с. 13]. В свою очередь, российский классик-цивилист Г.Ф. Шершеневич еще в 1891 г., говоря о «способе обеспечения материального положения авторов», указывал на их исключительное право распространения своих сочинений и запрещение всем прочим перепечатку и продажу произведений [16, с. 10–11]. Таким образом, в контексте сказанного обозначенные позиции «ранее считалось» и «в настоящее время» являются понятиями весьма относительными и не очевидными.

На наш взгляд, представляется более чем очевидным, что личные неимущественные права, а в литературе как синонимы используются также понятия «личные» (без неимущественных), «моральные» и «неэкономические» права, исключительными правами не поглощаются. Более того, в текстах внутригосударственных и международно-правовых актов личные права отделены от исключительных имущественных прав текстуально и сгруппированы в отдельную самостоятельную группу норм. По мнению В.А. Дозорцева, личные неимущественные права обслуживают имущественные права, «индивидуализируя участников экономического оборота» [5, с. 140].

Природу и сущность исключительных прав кроме В.А. Дозорцева, Е.А. Суханова, А.П. Сергеева, Э.П. Гаврилова, В.А. Витушко достаточно подробно исследовал В.О. Калятин, явный сторонник концепции В.А. Дозорцева [6]. Правда, институт исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности В.О. Калятин исследует не в контексте их главной принадлежности к правовому режиму, а в контексте признаков, которые якобы им присущи. Что это за признаки? Расширяют ли они осмысление самого понятия исключительных прав как правового режима, действующего в отношении результатов интеллектуальной деятельности?

Во-первых, исключительные права определяются В.О. Калятиным как «другая сторона» прав абсолютных, якобы тоже присущих интеллектуальной собственности. Во-вторых, исключительные права наделяются «самостоятельной экономической ценностью», якобы позволяющей легко вовлечь их в экономический оборот и обеспечить возможность обособления последних от личности их создателя. В-третьих, исключительные права сохраняют связь «с личностью создателя соответствующего объекта», что требует «необходимости защиты личных интересов автора». В-четвертых, исключительные права «должны отражать особенности объекта». В-пятых, конструкция исключительных прав на сложные объекты интеллектуальной деятельности «должна давать возможность построения достаточно сложных схем взаимоотношений различных лиц». В-шестых, исключительные права имеют «территориальный и временной характер». В-седьмых, исключительные права охватывают не только строго определенный объект, но и незначительно отличающиеся от него вариации (например, «литературное произведение будет оставаться самим собой, несмотря на пропуск некоторых фраз в тексте или замену ряда слов другими»). И, наконец, в-восьмых, исключительное право (ввиду того что интеллектуальная деятельность человека, как правило, представляет собой общественное благо) обладает способностью «всегда отражать изменение системы общественных ценностей» [6, с. 8–10].

Однако, несмотря на то что автор использовал изложенные логико-правовые построения для выработки в принципе корректной дефиниции понятия исключительных прав, они представляются несколько искусственными. Кроме того, в этих «построениях» собственно «исключительные права» (начало словосочетания) как бы отрываются от второй части целостного словосочетания, заканчивающегося словами «на результаты интеллектуальной деятельности» и начинают существовать отдельно как самостоятельный объект права. По сути усеченным термином «исключительные права»

подменяется понятие «интеллектуальная собственность». Но в том-то и дело, что собственно сами исключительные права (как понятие) в контексте права интеллектуальной собственности могут существовать лишь совместно с результатами интеллектуальной деятельности, являясь не объектом, а конкретной ипостасью правового режима определенного объекта (результата) интеллектуальной деятельности. Этот принцип достаточно убедительно вытекает из позиции В.А. Дозорцева, который в предложенной им квалификации исключительных прав распространил последние не только на результаты интеллектуальной и иной, приравненной к ней деятельности, но и на (не связанные с такой) нематериальные права и интересы личности [5, с. 32–35].

Приземляя проблематику до прикладного уровня, уместно привести мнение научного сотрудника НИИ интеллектуальной собственности О.А. Потрашковой, отметившей, что «посредством института исключительных прав третьи лица юридически отстраняются от возможных актов подражания, повторения и копирования охраняемого результата интеллектуальной деятельности» и что «непременным условием установления режима исключительных прав будет выступать презумпция знания третьими лицами предмета того, что может быть ими использовано или подвергнуто копированию» [11, с. 23].

Итак, исключительные права на результаты интеллектуальной и иной, приравниваемой к ней деятельности «представляют собой вполне самостоятельную правовую категорию, отдельную от права собственности, не укладывающуюся в традиционную систему римского права». Это «новая категория, являющаяся результатом сравнительно недавнего развития, обогащает эту систему» [5, с. 142]. Исключительные права неотделимы от использования результата интеллектуальной и иной, приравненной к ней деятельности и выступают в качестве его правового режима.

Таким образом, подводя итог и обобщая мнения и выводы упомянутых теоретиков-цивилистов, представляется возможным выделить следующие основные признаки исключительных прав:

исключительные права возникают главным образом в результате гражданско-правовых имущественных отношений;

данные имущественные отношения связаны непосредственно с использованием результатов интеллектуальной и приравненной к ней деятельности;

исключительные права представляют собой легальную монополию для правообладателей;

исключительные права имеют пределы, являются срочными и могут быть ограничены нормами законодательства;

исключительные права не поглощают личные неимущественные права правообладателей;

исключительные права являются основой самостоятельной ветви (подотрасли) гражданского права в виде интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной и приравненной к ней деятельности;

исключительные права выступают и действуют в качестве общего правового режима интеллектуальной собственности.

Однако, по мнению В.А. Дозорцева, в рамках общего всегда существует дифференциация. В свете этого, расширяя понятие правового режима, он указывает на его *разные черты* и связывает это с различностью характера объектов интеллектуальной собственности. При этом он моделирует эти *черты*, используя в качестве примера режим права собственности на материальные объекты. «Среди объектов права собственности различают, например, недвижимое и движимое имущество, имеющее *разный правовой режим* (курсив наш. – В.Б.). Это отнюдь не снимает общих положений о праве собственности, имеющих решающее значение» [5, с. 14–15]. (Здесь В.А. Дозорцев явно оговорился. Следует читать «*разные черты правового режима*». В противном случае собственно *режимов* становится несколько, что противоречит позиции, высказанной автором ранее.)

Так, по указанной модели разными чертами общего правового режима наделяются объекты (результаты) различные по характеру возникновения их охраноспособности. Те, для которых приоритетное значение имеет форма (в частности, произведения науки, литературы и искусства), охраняются исходя из факта их создания, то есть без осуществления заявочных, экспертных, регистрационных и тому подобных процедур. Иные черты общего правового режима присущи тем объектам, охраноспособность которых обусловлена их содержанием и обеспечивается через заявочную процедуру, экспертизу и регистрацию. Это в первую очередь объекты патентного права и средства индивидуализации. Что касается информации как объекта охраны, то особенность ее правового режима выражается в принципе «свободы ознакомления с информацией, свободы познания, кроме случаев, когда их конфиденциальность специально охраняется законом» [5, с. 136]. Из указанного можно сделать вывод, что правовой режим на такой объект информации, как коммерческая тайна (включая секреты

производства, ноу-хау), заключается в установлении исключительного права на обеспечение конфиденциальности этой информации, в том числе сведений, составляющих секрет производства.

Именно используя указанный принцип выявления и группировки различных черт единого правового режима, присущего определенным объектам интеллектуальной собственности, В.А. Дозорцев разработал и предложил упомянутую нами выше систему классификации исключительных прав (объектов и соответствующих им средств охраны) [5, с. 32–35]. В определенной мере идеи этой системы были реализованы в ГК РФ.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного представляется возможным в контексте данной публикации определить правовой режим интеллектуальной собственности как установленный международными правовыми актами и национальными нормативными актами государств порядок регулирования гражданско-правовых отношений по презюмированию и реализации исключительных прав на охраняемые результаты интеллектуальной (в том числе, творческой) и иной, приравненной к ней деятельности и распространяющийся на создание, использование, охрану и защиту последних.

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С.С. Право собственности. Проблемы теории / С.С. Алексеев. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2007.
2. Бачило, И.Л. Информационное право. Основы практической информатики / И.Л. Бачило. М., 2003.
3. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Сов. Энцикл., 1991. Т. 2.
4. Гражданское право : в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006. Т. 1 : Общая часть.
5. Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права : Понятие. Система. Задачи / В.А. Дозорцев М. : Статут, 2003.
6. Калятин, В.О. Интеллектуальная собственность : (Исключительные права) / В.О. Калятин. М. : НОРМА, 2000.
7. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В.А. Лапач. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002.
8. Липчик, Д. Авторское право и смежные права / Д. Липчик ; пер. с фр., предисл. М. Федотова. М. : Ладомир : Изд-во ЮНЕСКО, 2002.
9. Маилян, С.С. Административно-правовые режимы в теории административного права / С.С. Маилян [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.optim.su/bh/2002/4/mailyan/mailyan.asp>.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов М. : Рус. яз., 1975.
11. Потрашкова, О.А. Правовой режим ноу-хау / О.А. Потрашкова // Информ. право. 2007. № 3 (10).
12. Рузакова, О. Юридическая природа прав на результаты интеллектуальной деятельности с учетом нового законодательства / О. Рузакова // Интеллектуал. собственность. Авт. право и смеж. права. 2007. № 12.
13. Сенчищев, В.И. Объект гражданского правоотношения. Актуальные проблемы гражданского права / В.И. Сенчищев М. : Статут, 1999.
14. Словарь иностранных слов. 13-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1986.
15. Тихомиров, Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомиров, М.Ю. Тихомиров ; под ред. М.Ю. Тихомирова. 5-е изд., доп. и перераб. М., 2001.
16. Шершеневич, Г.Ф. Авторское право на литературные произведения / Г.Ф. Шершеневич. Казань : Тип. Император. ун-та, 1891.
17. Энциклопедический словарь правовых знаний : (Советское право) / гл. ред. В.М. Чхиквадзе. М. : Совет. энцикл., 1965.
18. Юридический словарь. М. : Гос. из-во юрид. лит., 1953.
19. <http://law.edu.ru/skript/cntSource.aps?cntID=100078694>.

В.Я. Горбачевский, начальник Департамента образования и науки МВД Украины,
кандидат юридических наук, доцент

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УМЫШЛЕННЫХ УБИЙСТВ С КВАЛИФИЦИРУЮЩИМИ ПРИЗНАКАМИ

Вопрос взаимодействия следователей и оперативных подразделений всегда сохраняет актуальность, детерминируемую необходимостью полного и всестороннего исследования обстоятельств совершения преступления.

Изучение материалов уголовных дел, возбужденных по факту совершения преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 115 УК Украины, показало, что организационные формы взаимодействия следователя и работников оперативных подразделений на разных стадиях расследования могут быть разделены на правовые (процессуальные) и иные (непроцессуальные).